

витасть въ этомъ театрѣ: тутъ былъ самый великій истово-прекрасный Мечаловъ; тутъ играли Провъ Садовскій, Шумскій, Максимовъ, Васильевъ и цѣлая длинная вереница другихъ славныхъ дѣятелей сцены.

Но зачѣмъ непременно тѣни? Здѣсь на этихъ подмосткахъ, начинали свои карьеры всѣ тѣ, которые и теперь еще составляютъ славу и гордость наше сцены.

Здѣсь выступила въ первый разъ, роковой добытчицей, дѣвица Познякова, которую вы потомъ стали любить Одетовой. Здѣсь впервые раздаея полны надземной гармоніи голоса Ермоловой, Чота Садовскихъ... Впрочемъ, вѣтъ, и не буду перечислять: перечисляя, и чрезвычайно кого-нибудь забудешь упомянуть, и, не жалея обидѣть, обидишь. Не нужно перечислять—постарайтесь сами воскресить въ своей памяти это славное мирное воинство, бывшее и бывающее во имя прекраснаго.

Когда мы чествовали въ этомъ году временно полннувшую сцену Ермоловъ—театральные рабочіе одѣляли ей чудесный подарокъ: они вышили ей часть театрального пола. Пола, по которой великая артистка ступала тридцать семь лѣтъ. Простые, невнимательные люди они толпѣмъ, я бы сказалъ—художественнымъ чутьемъ поняли, какъ дорогъ долженъ быть Ермоловой этотъ маленькій кусочекъ старой доски.

Они поняли, учуявъ неразрывную связь человека съ вещами. Они сказали то самое, что говорятъ и Роденбахъ, и Бодлеръ, и нашъ Бальмонтъ поглощеніи вещами частицу человеческой души.

Вѣдь сохраняемъ же мы въ благовѣрной неприкосновенности вещицы и вещи великихъ людей. Впрочемъ, вы знаете,—мы не сохраняемъ: у насъ нѣтъ ни кабинета Пушкина, ни кабинета Гоголя, но на Западѣ это ужьютъ хранить. Года три тому назадъ я видѣлъ книжки по которымъ учился великій Гете, одну изъ которыхъ юной оной выталадывалъ украдкой отъ отца, свою возлюбленную клавирную, на которыхъ оной игралъ псалтири, которыя оной носилъ... Тамъ умѣютъ понимать дѣйствительность вещей и вещей.

Тамъ хранятъ, а мы сдѣлываемъ уничтожить.

Да, зданіе старовато, но модное зданіе оно достаточно прочно и можетъ стоять еще долго и долго.

Всякъ Малому театру, его слава и личію грозитъ опасность, то, во всякомъ случаѣ, не отъ стѣны. Бѣда идетъ съ другого края: старики одни уже перестаютъ, другіе доживаютъ свои прекрасныя лѣта—и вѣтъ имъ такихъ же могучихъ пресмыкловъ. Вотъ гдѣ тоска и ужасъ.

Этой тоскѣ мы, кажется, хотимъ и мочь, построивъ новыя стѣны.

Стѣны теперь водвигаются легко чрезвычайно. Посмотрите, какія капища (здания), — за стѣнами остановки будутъ.

Но эти новыя стѣны окончательно разорвутъ связь между тѣмъ, чѣмъ былъ Малый театръ, и тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ стать.

Сейчасъ его могутъ спасти только стѣны, старыя стѣны, въ которыхъ живое еще и говорить съ нами его великое прошлое.

Эти стѣны должны говорить, да, какъ должны вопіять къ новымъ дѣятелямъ искусствъ на старыя подмостки, и чему эти подмостки обывающаго.

Перестаетъ эта поглядывая связь—и что останется отъ когда-то первой въ Россіи сцены?..

Французская комедія сто лѣтъ понадеяется въ одномъ зданіи, и не хочетъ слышать о томъ, что парижане научились возносить къ облакамъ Эйфелева башни и являлись родоначальниками и вато стиля.

А мы... все-таки есть области, гдѣ мы рѣзительно бѣжимъ старины.

Во мнѣ растетъ тоска по извѣстному зданію, прославленному великимъ артистомъ великолѣпное, огромное зданіе съ жемчужными и дѣловыми лицами.

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.